

НОВЫЙ

ВЗГЛЯД

Уважаемые господа, имеем честь сообщить Вам, что с 1 октября открыт крытый вещевой рынок Торгового Дома "Южный", на 1000 мест.

К вашим услугам:

- торговые места с высоким комфортом;
- площади под торговые павильоны;
- места для размещения рекламы;

Гарантируется безопасность!

Адрес: ст. метро "Южная" ул. Кировоградская, д.11/1
Телефоны: (095) 315-8866, (095) 315-8760.

Там же работают пункты обмена валюты, примерочные с зеркалами, пункты питания.

АО "ПРОДАМАРКЕТ" предлагает: **БОЛГАРСКИЕ МИНИ-ПЕКАРНИ**

800, 1000, 1500, 2000 кг/см

- * итальянская лицензия
- * низкие цены (от \$ 10700)

Купившим пекарню — 7-ми дневный отдых на двоих в Болгарии **БЕСПЛАТНО!**

мелничные комплексы; вагон-рефрижератор под склад тепло/холод 108 м³; котельные установки; упаковочные автоматы; пельменный автомат; автомат для жарки кофе и арахиса.

Тел.: (095) 911-9474, 912-7282

«ЭПЛИС ПАК» ПРЕДЛАГАЕТ:

Шоп-туры в Стамбул (Турция) — отель 4 звезды, 10-11, среда — воскресенье — 270\$.

Шоп-туры в ОАЭ — отели 3 — 4 звезды — от 360\$.

Отдых — Таиланд — 7 дней, отели 3 — 5 звезд — от 675\$.

Приглашаем турфирмы к сотрудничеству.

Наш адрес: Столешников пер., д. 11
Телефоны: 292 2766, 927 1309, 927 1285

Издательский Дом «Новый Взгляд»

МОЯ ГАЗЕТА

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЗРЕНИЕ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Тел.: 332 4504. Тел./факс: 259 40 19.
Адрес: Москва, ул. 1905 года, 7
Тел./факс филиала «НВ» в США: (101-707) 795 5261

Историческая сенсация

Моск. правда. — 1995. — 28 окт. — с.3

Александр КРУТОВ из Саратова

СЕКСУАЛЬНОЕ СИЯНИЕ ЗВЕЗД «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

СЕКСУАЛЬНЫЕ АСКЕТЫ — ОТ ИВАНА ИЛЬИНА ДО АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Как мы помним, **Василий Розанов** (см. "Новый Взгляд" № 32 за 1995 год) трактовал половой аскетизм как одну из форм духовной содомии, как неизбежную промежуточную ступень, "прослойку" на пути к абсолютной педерастии. Поэтому крайне любопытно было бы взглянуть на известных российских аскетов начала XX века и проследить, как аскетическое "бесознательное" влияло на внутренний мир этих людей, как отражалось на индивидуальной психике и преломлялось в их творчестве.

Одним из известных сексуальных аскетов, оставивших заметный след в истории русской общественной мысли, был философ **Иван Александрович Ильин**. До революции он занимался философией права, был приват-доцентом Московского университета. Политический путь, пройденный Иваном Ильиным, был довольно необычен — в нем отразились многие противоречия и парадоксы той эпохи.

А. И. ИЛЬИН.
(Конец 1950 г. — начало 1951 г., Цюрих.)

В начале века он принимал участие в первой русской революции, состоял членом РСДРП и даже был делегатом первой конференции этой партии в 1905 году в Финляндии. С течением времени политические взгляды Ильина менялись. В годы революции он стал гегельянцем, а затем и воинствующим русским националистом-черносотенцем. В 1922 году по указанию **Ленина** Ильин выехал из России вместе с несколькими десятками других известных русских философов и писателей. В эмиграции наш герой стал одним из ведущих теоретиков русского национализма, опубликовал концептуальный манифест русского движения "За национальную Россию". В эту работу тезисно вошла его более ранняя статья 1925 года "О сопротивлении злу силой", которая из-за своей воинствующей агрессивности и апологетики тоталитаризма стала своеобразным вызовом всем основным канонам русской религиозной философии. Как отмечали биографы Ильина, он имел очень большой вес в эмигрантских кругах за границей. После его смерти в декабре 1954 года русская пресса на Западе писала о нем, как о "ведущем идеологе русского зарубежья", "непререкаемом и талантливейшем друге Белого дела" и даже как о "духовном вожде Белого движения". А в "Белом движении", как известно, идеи русского шовинизма и монархо-национализма были достаточно сильны.

Итак, попытаемся поговорить о сексуальных и психических аномалиях Ивана Ильина. Для родственников и близких знакомых этого философа его сексуальные отклонения, в основе которых лежал аскетизм, не составляли никакой тайны. Перевооруженный и критик **Евгений Герцык** в своих мемуарах отмечал, что Ильин в юности лишился всего на свете и, в частности, "всю видов сладострастия ради отвлеченной мысли". В итоге уже в молодости, когда Ильин еще был далек от националистических идей, его поиску отличалась "ненависть, граничащая с психозом".

К тем людям, которых Ильин глубоко ненавидел, относились прежде всего известные литераторы и философы, являющиеся его идейными оппонентами: **Николай Бердяев**, **Андрей Белый**, **Максимилиан Волошин**, **Вячеслав Иванов**. "Способность ненавидеть, презирать, оскорблять идейных противников была у Ильина исключительная, и с этой, только с этой стороны знали его москвичи лет", — констатирует Евгений Герцык. Эта способность ярко проявилась в том, что «не утомимым сыском Ильин ловил все слабости их, за всеми с торжеством вскрывал "сексуальные извращения"». По-видимому, здесь мы имеем дело с психопатическим визионизмом — способностью достигать полового возбуждения в процессе наблюдения за чужой сексуальной жизнью. Существуют и более поздние примеры этой сексуальной аномалии. Например, очень модный ныне в "патристических" кругах писатель-эмигрант **Григорий Климов**. Стоит только пролистать его последние произведения (например, "Протоколы красных мудрецов"), чтобы убедиться в справедливости этих слов. То, что современники подметили за Ильиным на уровне подсознательного бытового поведения, Климов несколько десятилетий спустя отразил на бумаге. В этом плане произведение Климова — великолепный образец того, как далеко может зайти психопатический визионизм.

Помимо Герцыка и многие другие мемуаристы отмечали у молодого Ильина приступы психопатической мизантропии или, наоборот, обожания отдельных личностей. Андрей Белый в своих воспоминаниях так описывает имевшее место взаимоотношения между ними и Ильиным:

"Иван Александрович Ильин, гегельянец, впоследствии воинствующий черносотенец, — возненавидел меня с первой встречи: ни за что ни про что; бываю такие впадения инстинктивных антипатий; Ильин при виде меня передергивался; сардоническая улыбка змеилась на тонких и мертвых устах его; с нарочитой, искусственной суровостью он мне кланялся; наше знакомство определялось отнюдь не словами, а тем, как молчали мы, исподлобья метая взгляды друг в друга".

Если отношения Ильина к Белому складывались из неприязненного молчания, то его отношение к Вячеславу Иванову проявлялось в приступках бешеной агрессивности. Дочь Иванова вспоминала об одной скандальной сцене, во время которой "откуда ни возьмись появился Ильин и начал вопить что-то совершенно непонятное в сторону Вячеслава".

Казаюсь, что у него на губах пена, он весь извивался, как в конвульсиях".

Другой инцидент, имевший место между Иваном Ильиным и Вячеславом Ивановым, описал Андрей Белый:

"...в многолюдном обществе он (Ильин. — А.К.) почувствовал ненависть к Вячеславу Иванову, стал за спину его и передразнивал его жесты, что в державшемся подтянуто гегельянцем выглядело бредом с укусом уха **Николаем Ставрогиним**".

Настоя на отъезде своего любовника в Москву, Любовь Дмитриевна отчаянно мечется между "белой" любовью к Александру Блоку и плотским влечением к Андрею Белому. Белый уезжает в Москву 5 или 6 марта 1906 года, а уже 17 марта он получает от Л.Д. следующее послание:

"Боря, я поняла все. Истинную любовь я люблю Сашу. Вы мне — брат. (...) Вы меня любите, верю, что почувте мою правду и примите ее, примите за меня мучения (...) Боря, понимаю Вы, что не могу я изменить первой любви своей?"

Естественно, что при таких обстоятельствах и речи не могло быть о разводе с Блоком и совместной поездке в Италию. Однако Андрей Белый все еще не теряет надежды. В своем дневнике он делает запись:

"Морально я одерживаю победу над Л.Д.; она дает мне обещание, что осенью мы с ней едем в Италию и что с этого времени начинается наш путь с ней; она просит меня дать ей провести с Ал.Ал. последнее лето".

Но к концу лета 1906 года Л.Д. Менделеева-Блок окончательно решает прервать свой роман с Белым, несмотря на тщетные попытки последнего возобновить прежние отношения.

А что же муж-рогоносец, поэт Александр Блок? Как эта "петербургская драма" (определение Андрея Белого) отразилась на его взглядах, поведении и мировоззрении? Следует отметить, что никаких бурных сцен ревности, поединков, скандалов в отношениях между Блоком и Белым "петербургская драма" не внесла. На уровне сознания в 1906 году Блок еще оставался верен идеалам сексуального аскетизма. Но в области подсознания его внутренний мир уже обрел некоторые характерные признаки тоталитарной личности. В стихотворении "Ангел-Хранитель", посвященном Любови Дмитриевне, явно прослеживаются мотивы сексуального садизма:

"Люблю Тебя, Ангел-Хранитель, во млево
Во млево, что со мною всегда на земле.
За цели мои и заветы твои
За то, что над нами пролетают семьи
За то, что не можем мы согласны жить,
За то, что хочу и не смею убит".

Последняя строка вызвала настоящую переполох в царской цензуре, настолько она показала зловеще. В ней благонамеренные цензоры усмотрели "воспевание политического убийства" и "возбуждение к тяжким и преступным деяниям". Номер журнала, где появилось это стихотворение, был конфискован, а против издателя возбуждено судебное преследование. Произшедшая "петербургская драма" подтолкнула Блока к поиску новых этических и философских основ для реализации своей сексуальности. В 1908 году в компании прозаика и драматурга **Алексея Ремизова** Блок начинает посещать религиозные отправления секты хлыстов. Последние, как известно, сочетали фанатическую христианскую религиозность с обрядовой стороной, состоящей из беспорядочных, ничем не регулируемых половых сношений. После одного из таких визитов к хлыстам Блок не без смущения сообщает матери: "Послал к сектантам, где провели несколько хороших часов. Это — не в последний раз. Писать об этом — как-то не напишешь".

Любовь Дмитриевна МЕНДЕЛЕЕВА.
(Фотография 1896 — 1897 г.)

Эти хлыстовские "бдения", по-видимому, заставили Блока по-новому взглянуть и на свою личную жизнь. Не отходя от идеалов "белой любви" и сексуального аскетизма в отношениях с женой, он погрузился в самый же есть разнузданный

разврат с другими женщинами. В 1907 году современник так характеризовал жизнь супругов Блок: "...жизнь супругов текла по-иному; они разлетались, собирались за чайным столом, за обедом; и вновь веселились; казалось, Л.Д. улетает на вихре восторга от жизни с А.А., увлекавшегося актрисой **Волоховой**...". Выражаясь розановским языком, Блок сделал резкий скачок от низкой, почти нулевой сексуальной активности к "навысшему напряжению в поле". Позже, оценивая влияние такого блудливого образа жизни на свое духовное и физическое состояние, Блок делает в своем дневнике 17 августа 1918 года следующее признание:

"...все эти утехы в вихре света, похоть к молодым актрисам, изливаемая в другие места, кончилась болезнью". Попытаемся взглянуть на те "утехы в вихре света", которые, в конечном счете, привели Блока к болезни и преждевременной смерти.

А. А. БЛОК. 1921. Рисунок Е.С. Кутузовой.

Последним и наиболее ярким романом поэта (и по продолжительности, и по сексуальной интенсивности) был роман с **Любовью Александровной Дельмас**. Роман с этой женщиной развивался у Блока очень стремительно. Вот лишь отрывочные заметки из записных книжек и дневников поэта разных лет, имеющие отношение к Дельмас:

20 мая 1914 года:
"Тел. Она приходит ко мне. Страстная бездна. Она написана на картоне от шоколада. День радостной надежды. Я в первый раз наполнил ее чаем. Ей 20 лет сегодня".

29 мая 1914 года:
"Вечером мы с Любовью Александровной пошли к морю, потом поехали на Стрелку. Черный дым, туман. Я ничего не чувствую, кроме губ и колен".

1 августа 1914 года:
"Ночью с ней. Уже холодеет".

7 марта 1915 года:
"Тоска, хоть вешайся. Опять либеральный сыск... Жиды, жиды, жиды. Дням у мамы... Веч. она у меня".

17 мая 1916 года:
"Пис. маме. Вчера вечером был Женечка. В понедельник 23 мая буду его венчать. Ночью была Л.А..."

13 июня 1916 года:
"Телеф. от Л.А. отношение к ней, слова мамы о ней в письме ко мне. Ночью — разговор с Лобой о приближающейся старости. Совсем точно была Л.А.Д."

21 мая 1917 года:
"Я ушел, позвонил к Дельмас, к ночи привел ее к себе".

27 мая 1917 года:
"Масса встреч, разговоров, впечатлений. Ночью у меня — Дельмас, что не было венцом большого дня, а так — концом его, несмотря... Один раз".

Однако уже в 1917 году Блок начинает тяготиться сексуальными отношениями с Дельмас, пытается исторгнуть ее из своей жизни. Он еще продолжает по инерции прежнюю блудливую жизнь, но на уровне подсознания начинает возмущаться сексуальным аскетизмом. В его "записных книжках" на Троицком день 1917 года появляется запись:

"Отдыхая от службы перед обедом, я стал разбирать (чуть не в первый раз) ящик, где похоронена Л.А. Дельмас. Боже мой, какое безумие, что все проходит, ничто не вечно. Сколько у меня было счастья "счастия", да с этой женщиной! Слова от нее почти не остаются. Останется эта груда лент, всяких сухих цветов, роз, верб, яичных колосков, резеды, каких-то больших лепестков и листьев... Как она плакала на днях, и как на одну минуту у меня потянуло к ней, потянуло жестоко, увидев искру прежней жизни на лице, молодящуюся в белой нити и страсти. И это мое жестоко (потому что минутное) старое волнение вызвало только ее слезы... Несмотря на все дрянное, что в ней есть, она понимает, она думает те-

лом, и мысли ее тела — страстные мысли, бесповоротные".

Иными словами, в середине 1917 года Блок начал духовное возвращение к идеалам "белой любви" (термин **Владимира Соловьева**) и "беспристрастного супружества" (термин **Василия Розанова**). Особенно сильные духовные борения поэта с самим собой, с покоряемой и бунтующей плотью, борения "белой" и плотской любви проявились в начале 1918 года, в период создания поэмы "Двенадцать". Еще продолжались сексуальные связи с Дельмас (причем вполне открыто, на глазах у жены), а дневник поэта этого периода пестрил "развратными" записями:

6 января: "...поток идей — весь день. Ночью — Л.А.Д. Легкость".

11 января: "...Ночью — Л.А.Д."

15 января: "...Мои "Двенадцать" не двигаются. Мне холодно. Ночью — Л.А.Д."

28 января: "Двенадцать". К ночи Л.А.Д."

В это время случались еще и интимные контакты Блока с другими женщинами. В его записках от 30 и 31 января проявляются восторги от некой **Е.М. Люком** (впоследствии знаменитой актрисы): "Люком — розовый комочек"; "Люком — это маленький красный микрокосм. Розовая спинка, розовая грудка и ручки"; "Люком — красный микрокосм". Покинув Люком 31 января у Блока в гостях была **Е.Ф. Книпович**: "Черный агат, Духи". Но на следующий день — 1 февраля — опять появляется Дельмас, которая "закармливает гусиным".

Однако все это только внешне наводило на мысль, что Блок и Дельмас в чеканные строки поэмы "Двенадцать", Блок и с ним его герой Петя как раз расстреливают из винтовки сексуальный символ "драконов похоти" — блудливую Катю. Очевидно, что сюжет этой поэмы прямо и непосредственно не нацелен на демонстрацию торжества революционной идеологии. Ведь расстрелян не явный классовый враг — буржуй, который "на перекрестке в воротник упрянул нос", а даже не изменивший делу пролетариата Ванька:

"Ванюша сам теперь богат
Был Ванька наш, а стал солдат!"

Блокская пуля досталась именно блудливой Катюше, все греки которой уместились в одно четверостишие:

"Ты серые носила,
Шоколад "Миньон" жрала,
С коньяком гулять ходила —
С солдатами теперь пошла!"

Но почему же именно ей? И почему поэт заменяет прежнюю строчку: "Юбкой улиц мела" на "Шоколад "Миньон" жрала"? Нет ли здесь духовного покаяния за некогда восторженно цитированных надписей на картоне от шоколада: "День радостной надежды"? И наконец главный вопрос, на который так и не смогло дать ответ официальное литературоведение: ради чего вдруг кровавый путь богоуслышавших убийц одинокой блудницы осанет своим присутствием и благословением сам Господь Бог?

А. БЕЛЫЙ И С. СОЛОВЬЕВ.
(Фотография 1904 г.)

"...Так идут державным шагом,
Позади — голодный пес
Вперед — с кровавым флагом
И за выюгой невидим
И от пули неведим
Нежной поступью над выюжной
Снежной россыпью жемчужной
В белом венчике из роз —
Вперед — Иисус Христос".

Вне контекста интимной жизни Блока, уже начавшегося для него возврата к идеалам "белой любви" и "беспристрастного супружества" найти ответ на этот вопрос практически невозможно. Но если учесть, что эти идеалы были очень популярны еще со времен зарождения христианства, что многие известные ранее христианские миряне и святые изначально практиковали сексуальное воздержание в браке, то все сразу же встает на свои места. Розанов со ссылкой на произведения **Иоанна Мокши** приводит значительный список знаменитых сексуальных аскетов раннего христианства. Сюда вошли преподобный **Аммон** с супругой, св. **Магна** анкирская (г.Анкара в Галатии), благочес-

тивый **Малх**, Анастасий и Феогения, Пелагий Лаодикийский с супругой, **Юлиан** и **Василис** (285 г.), **Колон** Исаверский и **Мария** (II век), римские аскеты **Цецилия** и **Валерий** (230 г.), башмачник **Захария** и **Мария** (III век).

Переход к идеалам "белой любви", начатый Блоком на интеллектуальном уровне в поэме "Двенадцать", к лету 1918 года закончился полным физическим разрывом с Любовью Дельмас. 21 августа 1918 года в дневнике Блока появилась запись: "Как безвыходно все. Бросить бы все, продать, уехать далеко — на солнце, и жить совершенно иначе. Ночью под окном долго стояла Л.А.Д."

Как видим, Дельмас уже больше не вхожа по ночам в дом поэта. Но это еще не означает, что он достиг своей нравственной цели или, по крайней мере, хотя бы избавился от внутренних терзаний, борений и противоречий. Пока еще не настало время, когда сексуальный аскетизм Блока достиг апогея и тяжело больной поэт разбил коготок находящуюся в его квартире статуэтку Аполлона, вызывающую ассоциации с "темной стихией астартизма".

Говоря о реставрации в сознании Блока былых идеалов сексуального аскетизма, следует упомянуть и о тех метафорозах, которые происходили у него на уровне подсознания. Одну из характерных черт блоковского аскетического безознательного мы уже отметили. Это элементы сексуального садизма, нашедшие свой выход, к счастью, лишь в поэзии: "Ангел-Хранитель" (1906 г.), "Двенадцать" (1918 г.). Вторая характерная особенность блоковского "бесознательного" проявилась в чистейшем бытовом антисемитизме. Тем самым антисемитизм, который поэт тщательно скрывал от окружающих и который изливался сокровенными записками на страницах блоковских дневников. Что-то стоит, например, такая запись, долго скрываемая советскими литературоведением:

"История идет, что то творится; а жидки — жидками: упористо и умело, неустанно нокая воздух, они приспосабливаются, чтобы не творить (т.е. так — сами лишены творчества; творчество, вот грех для еврея). И я ХОРОШО ПОНИМАЮ ЛЮДЕЙ, по образу которых сам никогда не сумел и не захочу поступить и которые поступают так: слыша за спиной эти неотступные дробные шажки (и запах чеснока) — обернуться, размахнуться и дать в зубы, чтобы на минуту отстал со своим попользованием, полувредным (тубицильным) хвостиком за фалды. Усталость, лень, купанье, усталость. Черно, будущее не видно, как в России".

Запись сделана 27 июля 1917 года, т.е. в то самое время, когда Дельмас уже аскетизм поэта начал приобретать второе дыхание, а интимная связь с Л.А.Д. шла к своему логическому концу. Подобных "антижидовских" записей в записных книжках и дневниках Блока в этот период его жизни встречается предостаточно.

Сексуальный садизм и антисемитизм на уровне подсознания привели его к безознательной агрессивности в творчестве и скрытому по отношению антисемитизму. А в обиходной жизни итогом сексуальных экспериментов стали тяжелейшие физические и психические расстройства. При этом стоит отметить, что психические расстройства в семье **Коваленских-Блоков** не составляли тайны для близких им людей. Андрей Белый вспоминал о своем разговоре на эту тему с троюродным братом Блока — поэтом **Сергеем Соловьевым**:

"Сергею мне кланялся: — Кровь Коваленских во мне — упадок; доброе — от Соловьевых; от Коваленских — большие фантазии чувственности, которые должен замаливать".

Мать, **Ольга Михайловна**, кончила самоубийством (О.М. Соловьева-Коваленская — художница, переводчица, мать **Сергея Соловьева** и двоюродная тетка **Александра Блока**). **Надежда Михайловна**, тетя — сестра с ума; **Александра Андреевна**, мать Блока, — страдала болезнью чувствительных нервов, видя "химеры", каких не было (т.е. страдала галлюцинациями. — А.К.); **А.Блок** и "химеры", и пил; **Ярошский Коваленский** один — страдал придурью; другой — выпыл "бездуши".

При такой тяжелой наследственности естественным результатом сексуальных экспериментов стали для Блока нервные срывы и частые запои, сопровождающиеся галлюцинаторными видениями различных кошмаров. Родственники Блока со своей стороны как-то пытались повлиять на ход его болезни. **Александр Андреевич**, мать поэта, еще в апреле 1917 года устраивает своему сыну обследование у известного психиатра **Ю.Каннабиха**. Диагноз — "неврастения". Поэту предлагается лечение в психиатрическом санатории в Крюкове, но он отвергает это предложение. "Вы рассчитывали на психологические воздействия, я же в них окончательно не верю (и никогда не верил) и вижу в них разные комбинации действия на расстояния", — отвечает Блок матери.

В апреле — мае 1921 года в его записных книжках появляются записи, сделанные на основе выписок из врачебных диагнозов: "подagra, малокровие, нервастения, расширение вен и кровоизлияния, шум в сердце — цинготы, на почве истощения (одноброд, пшеница)". И это, повторю, помимо частых запоев и галлюцинаций.

7 августа 1921 года Александр Блок ушел из жизни, поправ своей смертью идеи религиозного сексуального аскетизма.

(Окончание. Начало см. в "НВ", №32.)